

ДОРОГА БЕЗ НАЧАЛА И КОНЦА

ОТКРЫТИЕ РЕКИ ЛЕНА

(Окончание. Начало в № 34)

В дальнейшем коренные жители прибегли к другим способам борьбы, о чем будет рассказано далее. Не погибали люди в отряде и от болезни. По тем временам дело небывалое. Как известно, почти во всех зимовках оставались холмики с могильными крестами. В отряде Пенды болезней со смертельным исходом не было.

Вообще, с первых дней деятельности Пенды можно заметить, что он был мудрым человеком, отличным организатором и пользовался большим влиянием. Ему удалось собрать весьма большую ватагу — 40 человек, получить на три года значительный аванс на строительство флота и закупку снаряжения. В чем была гарантия, что все не пойдет прахом в неведомых местах? Ответ один: Пенде доверяли, верили его честному слову.

На этом колоссальном пути Пенда, первый из русских, преодолел такие природные препятствия, как скалы и стремнины Нижней Тунгуски, первый прошел грозные ангарские пороги.

И. ГМЕЛИН,
академик Петербургской АН.

Лучше всего о походе Пенды спустя сто лет поведал протокольным стилем профессор истории И. Гме-

лин, побывавший в Туруханске, собрав сведения от внуков и правнуков тех, кто был в походе. Только истинные сибиряки-промысловики могли понять и оценить деяния Пенды и сохранить о нем память.

Академик И. Миллер, руководитель одного из научных отрядов Великой Северной экспедиции, в третьем томе "Истории Сибири" воспроизвел и расширил запись Гмелина. Мы ее цитируем по этой книге. "Пенда или Поянда, промышленный человек из России, отправился в старые времена из Туруханска водой вверх по Нижней Тунгуске с собранными из разных мест 40 человеками, желая открыть новые земли.

В первое лето он дошел до речки Нижней Кочомы, где тунгусы загорюдились реку, навалив на нее множество деревьев. Так как он не мог пройти дальше на своих судах, он построил там зимовье, которое до сих пор известно еще под названием Нижне-Пендинское зимовье. Зимой он провел за соболиной охотой, а когда тунгусы делали попытки напасть на него, он без труда прогнал их огненным боем. Следующей весной, когда полая вода снесла сделанную тунгусами преграду, он снова двинулся в путь на своих судах, но встретил такое сильное сопротивление, что это лето и всю зиму ему пришлось провести в тамошних местах. Свидетельством этому якобы служит построенное им зимовье на расстоянии ста верст от предыдущего, недалеко от устья речки Средней Кочомы, Верхне-Пендинское.

Наконец третий год был для него настолько благоприятным, что он достиг той части реки Тунгуски, где от нее шел небольшой волок на реку Лена, который назывался Чечуйским волоком, по реке Чечую — притоку Лены. Несмотря на это Пенда не решился сразу же перейти волок, так как думал, что на Лене его караулят тунгусы, собравшиеся в большом числе. Действительно, он имел с ними несколько столкновений. Возможно, что третье зимовье он построил на этом волоке для собо-

линого промысла и прожил в нем до открытия водного пути".

Следует добавить, что после трехгодичного пребывания на Нижней Тунгуске, как и было предусмотрено договором с енисейским Онисимом, одно судно с мехами было отправлено на запад, а Пенда продолжал двигаться на восток. После волока и выхода на Лену использовать суда более чем трехгодичной постройки по назначению не было возможности. Общеизвестно: срок годности деревянного судна — не более трех лет. Поэтому, выйдя на Лену, ватага принялась за строительство новых судов. После чего пошли по течению на север.

Берега по сторонам были дикие, бесплодные. И только в районе примерно нынешнего Якутска встретились с местными жителями. Воспоминания об этой встрече, о житье в соседстве местных и пришельцев сохранились в фольклоре якутского народа. Нет в нем рассказов о битвах или каких-либо враждебных действиях, только удивление умом русских, их умением приспосабливаться к местным суровым условиям жизни.

В преданиях о чукотском вожде Тыгыне говорится, что в 20-е годы XVII века в его владениях появились никому не ведомые пришельцы — первые русские. Эти новые люди, поразившие бесхитрого якутского вождя своим искусством работать и мудростью, появились неожиданно и также неожиданно исчезли.

(Из якутского исторического фольклора).

Как неожиданно пришли русские в якутскую землю, так неожиданно исчезли. Пендина ватага пошла вверх по Лене на юг, в новые неизведанные места. Сколько времени длилось плавание, год-два или более, сколько было на том пути остановок? По всей видимости, народ в отряде подустал и, выйдя на приток Лены — Куленгу, повернул на запад, к Ангаре. Дело это совсем не простое — между реками бурятские степи.

И вновь истрепанный флот был оставлен. Отряд на лошадях двинул-

ся по своему курсу. Безусловно, ему помогли местные жители, знавшие расположение рек и озер, обеспечивающие Пенду тяглом и провизией. В те времена, когда все проблемы между племенами решали силой, нужны были незаурядные дипломатические способности, чтобы получить такую помощь. Видимо, Пенда обладал такими способностями, ибо вывел свой отряд без потерь к верховьям Ангары. И здесь в третий раз была заложена речная флотилия.

После зимовки ватага спустилась по Ангаре на Енисей. Таким образом было завершено небывалое в истории плавание по четырем сибирским рекам, где частично, а где и полностью узнаны их способности и возможности для судоходства, для освоения новых земель.

Экспедицией Никифора Пенды были охвачены огромные пространства. Собранные ею сведения затем послужили многим отрядам первопроходцев, к примеру, сотника Петра Бекетова, десятника Василия Бугра и др.

У Пенды, кроме обстоятельного разговора с енисейским воеводой, состоялся такой разговор в Мангазее со вторым воеводой Андреем Палицыным, человеком весьма просвещенным. На основании Пендиных рассказов он составил для царя челобитную с подробным описанием открытых земель, о нравах и обычаях проживающих там людей. Правда, при этом и словом не упомянул о

Пенде. Будем надеяться, не по злому умыслу, а просто тогда так было принято. Кстати, слышанный Пендиных рассказов, проживавший в то время в Мангазее известный первопроходец Ерофей Хабаров подался на Лену, где занимался хлебопашеством и солеварением, а затем, сколотив отряд, вышел на Амур. Его успехи и ныне известны, так как имя Хабарова увековечено в названии краевого центра и железнодорожной станции. А вот Пенде в этом смысле не повезло, его имя с годами растворилось в исторических событиях и почти полностью забылось, даже на Енисее, откуда он вышел.

Как-то так повелось, что отмечая юбилеи, связанные с рекой, мы ставим памятники не людям, а созданным ими для плаваний железным коробкам с механизмами. А не разумнее ли, достойнее ли воссоздать образы людей, покорявших и благоустроявших Сибирь? И начать с первого енисейского речника, судя по делам его, человека мудрого, любившего Россию всей душой и много сделавшего для нее.

Готовясь в следующем году отмечать 140-летие парового судоходства на Енисее, установить бы на берегу памятную доску, а в дальнейшем и создать мемориал наиболее заслуженным людям. Среди речников было много выдающихся деятелей, их вклад в развитие приенисейского края переоценить невозможно.

Леонид ЩИПКО.

